

Небесный огонь, весеннее тепло, что не угасло

— ...Твой ученик не важен, — произнёс Янь Цзиньтин.

— Как это не важен?! — возмутился Цзинь Добао. — Раз уж так говоришь, то после допроса верни мне его в целостности и сохранности, чтобы ни один волосок не упал с его головы!

С этими словами его лицо изменилось.

— Я совсем забыл, в городе... откуда в Долине Белого Облака город? Это наверняка логово демонов. Дань Фэн, выходи!

Зеркало малого возвращения духа под его яростным криком взмыло в воздух, и на его поверхности вновь появилась фигура Дань Фэна. Он держал в руке Сюэ Юня. Одного его вида было достаточно, чтобы внушать страх, а выражение лица было поистине свирепым.

Это было откровенное издевательство над слабым.

Сердце Цзинь Добао оборвалось.

— Уянь!

В тот же миг в Формации сокрытия лодки в снежном море раздался пронзительный визг.

Цзинь Добао опешил и огляделся. Снежный ком, в который превратился красноносый поросёнок, вдруг зашевелился, и из него выскочил поросёнок размером с ладонь. Он с визгом метался по кругу, а его хвост прерывисто горел Каноническим огнем красного лотоса.

Что за чертовщина?

Дань Фэн, услышав визг, обернулся с непередаваемым выражением на лице.

— Ты жарить свинью на моём Каноническом огне красного лотоса?

— Чушь собачья, твой огонь даже свинью очистить не может! — огрызнулся Цзинь Добао.

— А кто тебя просил им что-то очищать? — парировал Дань Фэн.

На глазах у всех пламя на хвосте поросёнка с шипением погасло.

Цзинь Добао подумал, что у Цзинь Юаньбэя остались какие-то предсмертные желания, и уже собирался поднять его, но белый поросёнок снова взвизгнул и, выскользнув из-под его руки, утаился на Дань Фэна с нескрываемым ужасом.

— Свиной кошмар? — удивился Цзинь Добао.

— И ты не можешь его поймать? — с усмешкой спросил Дань Фэн.

Янь Цзиньтин молча отошёл в сторону. Цзинь Добао, накинув на поросёнка свой халат, поймал его. Наружу торчали лишь два заплаканных глаза. Не успев задать вопрос, он услышал из Зеркала малого возвращения духа глухой стон Сюэ Юня.

— Янь Цзывэй, держи! — сказал Цзинь Добао, бросив поросёнка Янь Цзиньтину и гневно посмотрев на Дань Фэна. — Отвлекающий манёвр? Если с Уянем что-то случится, я с тобой не закончу!

Дань Фэн потерял дар речи.

— Думаешь, я хочу его держать? Пусть катится куда угодно, лишь бы не мешал. А ты приходи выкупать, кредитор здесь.

Е Шуанчоу, выслушав их перепалку о том, как они собираются достать деньги, помрачнела. За её спиной стояли другие заклинательницы с разными выражениями на лицах — печаль, обида, гнев. Атмосфера была гнетущей, как перед грозой.

Кошелёк Цзинь Добао никогда не пустовал. Хоть он и знал, что его ученик натворил дел, он принял вид важного мастера и гордо усмехнулся.

— Девочка, мой ученик молод и глуп. Что бы он ни сломал, я, как его наставник, за всё заплачу. Назови цену.

— Сто тридцать тысяч духовных монет, и ты так спокоен? — удивилась Е Шуанчоу.

Мышцы на щеках Цзинь Добао дёрнулись, и он бросил взгляд на Сюэ Юня.

— ...Ты, оказывается, только на словах такой щедрый, — пробормотал Сюэ Юнь.

Цзинь Добао тут же воспрял духом.

— В дорогу я с собой столько не взял, но, девочка, считай, что тебе повезло. В обычное время я свои артефакты никому не показываю.

Е Шуанчоу, постукивая счётными палочками, пристально смотрела на него.

Цзинь Добао с звяканьем вытряхнул из рукава кучу артефактов.

— Божественный огненный покров двойного ян! Светильник чистого ян и громового огня тридцати трёх испытаний! Божественный огненный артефакт Чжужуна...

— Люди, лейте дальше! — гневно крикнула Е Шуанчоу.

Рука Цзинь Добао замерла в воздухе.

— А?

— Забыл сказать, в этом городе огонь запрещён, — сказал Дань Фэн.

— Чёрт!

После суматохи Цзинь Добао стоял, заложив руки за спину, с мрачным лицом и что-то бормотал себе под нос. Дань Фэн, выставив Сюэ Юня в качестве живого щита, сам отошёл с Зеркалом малого возвращения духа в тихий угол.

— Огненный Пицзю, что ты хочешь сказать?

— Уходи из города как можно скорее. Здесь полно учеников Сюэлянь, но в Долине Белого Облака почти нет трупной ци, словно никто и не умирал. Ты знаешь, что это значит? — спросил Цзинь Добао.

— Неужели здесь сидит какой-то великий мастер? — усмехнулся Дань Фэн.

— Великий мастер? Даже наши владения Сихэ едва держатся, — с горечью сказал Цзинь Добао и, понизив голос, продолжил: — Смерть без трупной ци может означать несколько вещей. Первое — все они стали бессмертными...

Дань Фэн указал на своё ухо.

— Ты мне шутки рассказываешь?

— И ты не веришь, да? — серьёзно сказал Цзинь Добао. — Либо что-то сожрало все трупы, либо под всей этой восьмисотли Долиной Белого Облака запечатаны живые мертвецы. В любом случае, поблизости должен быть какой-то великий демон.

Дань Фэн на мгновение замолчал.

Его густые чёрные брови, похожие на натянутый лук, слегка расслабились, но от этого его взгляд стал ещё более глубоким и непроницаемым, как бездна.

Цзинь Добао, будучи его соучеником много лет, видел, как он дошёл до такого состояния. Хоть обида и не прошла, в его сердце промелькнула тень сочувствия. Он уже собирался спросить что-то ещё, но тут Янь Цзиньтин поднёс к нему белого поросёнка.

Поросёнок всё ещё визжал, глядя на Дань Фэна, и его хвост дрожал.

Странно, остатки души Юаньбэя уже и наставника не помнят, а Дань Фэна боятся до смерти.

— Что, у тебя есть какие-то обиды? — спросил Цзинь Добао.

Янь Цзиньтин разжал пальцы, и белый поросёнок с визгом метнулся в сторону. От крайнего ужаса он был быстр как молния. Цзинь Добао, складывая печати, бросился за ним в погоню, задыхаясь от бега.

Янь Цзиньтин поднял глаза на Зеркало малого возвращения духа.

Он был совсем не похож на вспыльчивого Цзинь Добао. За его невозмутимостью скрывалась пугающая настойчивость. Если он что-то решал, то вцеплялся мёртвой хваткой. Он был прирождённым тюремщиком. Дань Фэн до сих пор испытывал головную боль при виде него и нахмурился.

— Ищешь его? — спросил Дань Фэн, указывая на Сюэ Юня.

Зубы Сюэ Юня стучали. Находиться между двумя такими взглядами было пыткой. Весь его боевой дух испарился, уступив место ужасу.

Кто ещё достаивался такой чести в столь юном возрасте... быть зажатым между двумя самыми грозными убийцами Обители Сихэ, бывшим и нынешним, под их ужасающим взглядом в течение целой палочки благовоний.

Впереди — бездна, один неверный шаг — и разобьёшься вдребезги. Сзади — подземная лава, которая в любой момент может взорваться громом!

Неизвестно, сколько продлилась эта пытка, но наконец Янь Цзиньтин заговорил.

— Не он.

— О, — сказал Дань Фэн. — Значит, гость недобрый.

— Похоже, ты уже всё понял, — сказал Янь Цзиньтин, помолчав.

Эта фраза в Обители Сихэ заставила бы любого ученика побледнеть и судорожно вспоминать грехи трёх поколений своих предков, но Дань Фэн лишь усмехнулся и перешёл в наступление.

— Как раз вовремя. Есть одна история двадцатилетней давности, которая не даёт мне покоя. Я хотел бы запросить у Пурпурной террасы талисман с записью.

— Можно, — сказал Янь Цзиньтин.

— А? — удивился Дань Фэн.

— Владыка Обители ещё спит. Когда он проснётся, он передаст тебе сон, — сказал Янь Цзиньтин.

Дань Фэн поднял бровь.

— У тебя есть ещё что сказать? — спросил Янь Цзиньтин.

— Слишком легко досталось, как-то непривычно. Малыш Янь, хоть у тебя и такое же холодное лицо, как у твоего отца, сердце у тебя горячее. Ладно, я в долгу. Говори.

— Десятилетний срок по делу у озера Белой Пагоды подходит к концу, — сказал Янь Цзиньтин.

Вот оно что.

Дань Фэн потёр переносицу.

— Я знаю. Это было в конце десятого года эры Небесного Наказания. Через месяц будет срок.

Обитель Сихэ вела летосчисление мира.

На десятый год снежной напасти, в конце десятого года эры Небесного Наказания, его

выпустили со дна озера Ганьцзян. Он был подобен догорающему угольку, призраку, и днём и ночью метался по снежным пустошам.

Он не мог остановиться. Иначе ядовитый огонь в его сердце сжёг бы его дотла.

За эти десять лет он встречал и провожал отряды учеников Обители Сихэ, отправлявшихся на охоту, бесчисленное количество раз вытаскивал из лап смерти безрассудную молодёжь. Каждое лицо напоминало ему о погибших у озера Белой Пагоды.

Ради исцеления Владыки Обители он искал редкие лекарства, проникал в смертельно опасные места, сопровождал караваны с драгоценными травами обратно в Обитель. Лекарства для духовного корня огня в основном росли в труднодоступных местах, были крайне нестабильны и могли взорваться в любой момент. Даже он не раз оказывался на грани жизни и смерти.

Но пока он не поймал Тень в снегу, всё это было напрасно.

И в Обители, и он сам установили для этой погони смертельный срок.

Десять лет. Если он не поймаёт Тень в снегу, не сможет предать суду виновника трагедии у озера Белой Пагоды, он вернётся на дно огненной темницы, примет свою вину и сгорит дотла!

Появление Янь Цзиньтина было предупреждением о приближении этого дня.

— Ты его видел, — сказал Янь Цзиньтин.

Взгляд Дань Фэна метнулся.

— В радиусе ста ли от Ущелья Потерянного Гуся... в городе? — Янь Цзиньтин следил за малейшими изменениями в его выражении лица. — Сожаление? Не только видел, но и разглядел. В ста шагах. В десяти. На расстоянии вытянутой руки. Почему не схватил?

— Просчитался, — сказал Дань Фэн.

— Твои зеркальные клинки разбиты, — сказал Янь Цзиньтин.

— Неудивительно, что вы примчались. Да, был близок, очень жаль.

— На таком расстоянии, если бы формация была активирована, у него не было бы шансов сбежать.

Дань Фэн, скрестив руки на груди, усмехнулся.

— Не смог его переиграть.

— И поэтому ты телепортировал обратно глиняную статуэтку? — спросил Янь Цзиньтин.

Эти слова были настолько неожиданными, что нарушили спокойствие на лице Дань Фэна.

— Эта штука ещё не развалилась? Даже божество, занимающее пустующий престол, на дне огненной темницы должно было превратиться в лужу грязи.

— Превратилось, — сказал Янь Цзиньтин. — Но перед тем как исчезнуть, его сущность рассеялась и превратила твою огненную темницу в брачные покои.

— Чёрт, что за чушь?

— Он отвечает за брачные узы. Ты женишься?

Дань Фэн, застигнутый врасплох, поперхнулся.

— Постой, это тоже допрос?

В глазах Янь Цзиньтина промелькнуло разочарование.

— Когда задаёшь вопросы, не примешивай личное, — сказал Дань Фэн.

— Ты не смог его поймать. Не захотел или не посмел? — холодно спросил Янь Цзиньтин.

— Просто ещё не пришло время умереть вместе, — сказал Дань Фэн.

— Похоже, ты не только не посмел, но и спас его, — кивнул Янь Цзиньтин.

Дань Фэн на мгновение замолчал, глядя на свои пальцы.

— Я просто не могу понять некоторые вещи. Как это можно назвать «не посмел»?

Тем временем Пурпурная глициния огненной темницы медленно раскрылась за спиной Янь Цзиньтина. Тридцать три переплетённых чёрных шипастых ветви, словно хаотично сложенный из камней алтарь, окутали его фигуру, отбрасывая огромную, пугающую тень, похожую на готовящегося к прыжку тигра.

Человеческое выражение исчезло с лица Янь Цзиньтина.

Он смотрел из темноты, его надбровные дуги стали выше, а глазницы — глубже. В его звериной холодности появилась всепроникающая, пугающая пронизательность.

Пурпурная терраса, Дхарма-облик Биань!

Когда активируется Дхарма-облик Биань, приходит время судить грехи, наказывать зло и превозносить добро. Под его взглядом любая мелочь увеличивается в тысячи раз, не оставляя места тайнам...

— Дело о Тени в снегу, каким бы ни был исход, если будет хоть тень сомнения, добром это не кончится.

— Добром? Я и не искал лёгкого пути. Сегодня я действительно попал впросак. Желание поймать его у меня сильнее, чем у кого-либо. Я... я не могу больше терпеть, — сказал Дань Фэн, услышав в его голосе холодное предупреждение. — Или ты думаешь, я буду действовать из личных побуждений, и хочешь, чтобы я принёс клятву?

— Это совет.

— Хорошо, что это я. Любой другой, услышав, как ты советуешь с помощью Дхарма-облика Биань, отдал бы душу от страха, — усмехнулся Дань Фэн.

— У тебя много врагов. И в Обители, и за её пределами за тобой пристально следят. Будь осторожен, — сказал Янь Цзиньтин.

— Пусть смотрят.

Этот легкомысленный тон вызвал у Цзинь Добао холодную усмешку.

— Действительно, жить надоело. Через месяц, если не поймаешь его, я первый с тебя спрошу.

— Лови свою свинью, — сказал Дань Фэн.

— Не боишься, что твой кармический долг станет ещё больше? — Цзинь Добао, сложив печати, ласково сказал: — Юаньбэй, не бойся, хороший мальчик...

Из пасти белого поросёнка вырвался старческий, полный боли крик.

— А! Не подходи, отвали, отвали!

— ...Ты кто? А где Юаньбэй? — спросил Цзинь Добао.

Белый поросёнок нёс какой-то бред, он был в безумии, но его глаза были прикованы к Дань Фэну. В них читался ужас и ненависть, а из пасти шла пена.

— Огонь... огонь, защитная... истинный огонь, демон, демон! Не подходи, почему!

— Когда это я обижал стариков? — нахмурился Дань Фэн.

— Врёшь! Ты погасил истинный огонь... тень... тень, а-а-а, как больно!

Брови Дань Фэна резко взлетели вверх. Его и без того суровое лицо в одно мгновение лишилось всех эмоций, осталась лишь мрачная, грозная тишина. Если бы не Зеркало малого возвращения духа, он бы, вероятно, уже схватил эту заблудшую душу и поднял её в воздух.

— Что ты сказал? Какая тень?

Вспомнив необычное предостережение Янь Цзиньтина, он почувствовал очень нехорошее предчувствие.

Какое совпадение.

— Можешь говорить, — сказал Янь Цзиньтин.

Эти несколько слов, словно пронзив хаос в голове белого поросёнка, заставили его пробормотать:

— Да... я могу говорить, кто-то может меня услышать.

Две крупные, как бобы, слезы скатились из его глаз.

— Как долго? Как долго я был заперт в этой оболочке?

— Ты меня спрашиваешь? Откуда мне знать? — пробурчал Цзинь Добао. — Сейчас двадцатый год эры Небесного Наказания.

Он всё ещё сомневался. Кто знает, из какого времени эта заблудшая душа. Может, она и не знает о эре Небесного Наказания. Но белый поросёнок лишь вздрогнул и, с непонятным выражением — то ли радости, то ли горя — зарыдал.

— Десять лет. Я попал в руки Снежного пастушка, не зная ни дня, ни ночи, и вот уже десять лет прошло.

Опять десять лет?

Этот знакомый срок заставил всех присутствующих насторожиться.

Цзинь Добао, присмотревшись, увидел, что на носу поросёнка тоже есть бледная красная щетинка, и выпалил:

— Как ты стал белым поросёнком? А где мой ученик?

— Я не знаю, кто твой ученик... Если ты о тех остатках душ, то их Снежный пастушок вложил в меня. Круг перерождений животных, ай... как больно, слой за слоем...

— Что? В твоём теле несколько душ, и мой ученик — лишь одна из них? — спросил Цзинь Добао.

Он посмотрел на Янь Цзиньтина.

— Правда, — сказал Янь Цзиньтин.

Проницательность Дхарма-облика Биань была намного выше, чем у обычных людей, и он обладал способностью внушать трепет. Раз Янь Цзиньтин так сказал, значит, белый поросёнок не лгал.

Похоже, Канонический огонь красного лотоса хоть и очистило душу Цзинь Юаньбэя, но и пробудило эту заблудшую душу десятилетней давности, заставив её выплеснуть всю свою предсмертную обиду.

— Говори, какая тень? — спросил Дань Фэн.

Белый поросёнок наконец перестал нести бред, но его голос дрожал.

— Заклинатель Дань, и ты ещё спрашиваешь? Воистину, у великих людей короткая память... Наш Дворец Небесного Огня и Вечной Весны был слаб, но ты, лишь из-за того, что тебе не понравилось угощение, одним взмахом руки уничтожил наш клан. Мы хоть и муравьи, но за что нам такая участь!

Дань Фэн молчал, но его брови сошлись на переносице.

— И такое ты творил, — сказал Цзинь Добао. — Нечего сказать? Или... Дань Фэн, ты что, забыл?

— Заткнись, дай подумать.

Он угадал.

Дань Фэн действительно не помнил того, о чём говорил белый поросёнок.

Дворец Небесного Огня и Вечной Весны? Судя по названию, это был небольшой клан с духовным корнем огня. С чего бы им называть себя «дворцом»?

Но Владыка Обители Сихэ, как глава основного клана с духовным корнем огня, имел под своим началом тысячи мелких кланов по всей территории владений Сихэ. Их истинный огонь и защитные формации были дарованы Обителю, но их пути совершенствования были разными, и они были как маленькие мирки. Дань Фэн, хоть и был главой одной из ветвей, не мог знать все эти кланы.

Но всё же...

Десять лет назад? Если, как говорил белый поросёнок, его называли «заклинателем» и он был свободен, значит, это было до трагедии у озера Белой Пагоды.

В то время его истинный огонь уже погас, его пыл поутих, и характер стал не таким вспыльчивым, как раньше. Он не мог из-за какой-то мелочи уничтожить целый клан.

Пока он, закрыв глаза, пытался вспомнить, белый поросёнок, не в силах больше терпеть унижение, поклонился Янь Цзиньтину.

— Заклинатель Янь, прошу вас, рассудите.

— Правда, — кивнул Янь Цзиньтин.

Значит, это действительно было?

— Юго-западный ключ, небесный огонь, вечная весна, — сказал Янь Цзиньтин.

Эти несколько слов заставили белого поросёнка беззвучно зарыдать.

— Спасибо, заклинитель Янь, что помните. Наш клан хоть и был далеко от Обители, но всех учеников Сихэ, проходивших через юго-западные врата, мы встречали как самых дорогих

гостей. В тот раз заклинатель Дань пришёл впервые. Ему не понравились ни вино, ни танцы, он лишь смотрел на свой любимый клинок. Мы поднесли ему наш Лук «Длинная радуга, пронзающая солнце», чтобы он его оценил, но не ожидали, что это приведёт к такой беде!

Лук «Длинная радуга, пронзающая солнце»?

Это он помнил.

Дань Фэн резко открыл глаза, и на его губах появилась холодная усмешка.

Лук был хорош. Он был сделан по образу легендарного лука, сбившего солнце, и был алого, стеклянного цвета. Он висел между девятью сигнальными башнями у Дворца Небесного Огня и Вечной Весны. Огонь в башнях горел днём и ночью, и постоянно звучала «Песнь бога огня, скорбящего о солнце». От этого лук был раскалён докрасна и обладал невероятной силой. Он был главным оружием этого маленького клана.

— Так это были вы.

— Ты всё-таки вспомнил! — вскричал белый поросёнок. — В тот день, после пира, ты этим луком погасил огонь в девяти башнях!

— Погасил и погасил, — не понял Дань Фэн. — Я стрелял по мерзости, а ты ещё смеешь жаловаться?

— Это и вправду был ты. Неужели захотел убить и забрать сокровище, бесстыдник! — холодно усмехнулся Цзинь Добао. — Заклинатель Дань не щадит даже своих, что уж говорить о других кланах. Янь Цзывэй, ты слышал?

— Заткнись, — сказал Дань Фэн.

Он не ожидал, что у этой истории найдётся истец. Точнее, что у них хватит наглости жаловаться.

Как и говорил белый поросёнок, Дворец Небесного Огня и Вечной Весны был очень гостеприимным.

Владения Сихэ были огромны. Гора Волчьего Сигнального Огня, служившая юго-западными воротами, находилась очень далеко от Обители Сихэ, и местные кланы получали от неё мало защиты. Чтобы выжить и получить некоторые преимущества на пути совершенствования, большинство из них называли себя постоянными дворами и наперебой зазывали к себе проходящих заклинателей. Они были очень влиятельны и особенно почитали учеников Обители Сихэ, называя их не иначе как «бессмертными господами».

Дворец Небесного Огня и Вечной Весны выделялся именно своей почти раболепной угодливостью.

В защитной формации, образованной девятью сигнальными башнями, был скрыт особый мир.

Вино и яства были ничем по сравнению с ночными пирами, танцами и представлениями. Бушующее пламя и алые облака дыма придавали всему этому возбуждающий оттенок. Все ученики, останавливавшиеся там, были поражены роскошью дворца. Говорили, что он был построен по образу древнего Духовного дворца Чанлю, и даже малая толика его великолепия была достаточна, чтобы свести с ума.

Словно в подтверждение названия «дворец», местные заклинатели называли себя «управляющими» и «придворными» и водили гостей по своим владениям, смывая с них дорожную пыль. Для беспокойных по своей природе обладателей духовного корня огня это был рай, какого они не знали с рождения.

Дань Фэн всегда был нетерпелив. Став воином, он обычно ночью покидал владения Сихэ, чтобы убивать, а на рассвете возвращался, никогда не останавливаясь на горе Волчьего Сигнального Огня.

В тот день он по пути услышал донесение о битве у озера Белой Пагоды и был вынужден остановиться там в ожидании приказа.

Местные управляющие были настолько угодливы, что готовы были снять с него сапоги. Его это раздражало. Он с трудом вытерпел три дня.

На третий день он случайно стал свидетелем того, как одну из заклинательниц силой заставляли быть сосудом для совершенствования. Тогда он и узнал, что всех служащих на пирах женщин принуждали к этому. Для обладателей духовного корня огня это было не просто мерзко, но и крайне жестоко — обычный человек, вступив в связь с обладателем духовного корня огня, испытывал невыносимые мучения, а то и рисковал сгореть заживо. Людей использовали как дрова. Дань Фэну это не понравилось, и он взял Лук «Длинная радуга, пронзающая солнце».

Что за мерзость? И они смеют использовать истинный огонь Обитатели, смеют пользоваться защитой её формации?

— Девять выстрелов. Убирайтесь отсюда.

Пока женщины в суматохе разбегались, Дань Фэн девятью выстрелами погасил огонь в башнях, а последней стрелой пробил защитную формацию в качестве наказания.

Это был всего лишь случай, когда он заступился за несправедливо обиженных. К тому же, это

произошло накануне трагедии у озера Белой Пагоды, поэтому он давно об этом забыл. И лишь теперь, под градом обвинений белого поросёнка, он всё вспомнил.

<http://bllate.org/book/16978/1588411>